

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ СО ВСЕГО МИРА

На страницах этой книги наркозависимые наверняка узнают себя. Но их сердца наполнятся любовью и надеждой. Какая трагическая история загубленной молодости! И чудесное воскресение павшего духа, который теперь вдохновенно служит людям! Даже за одну лишь спасенную жизнь — молодой женщины Сары — автор заслуживает благодарности. Но его книга указывает путь многим.

Шелли

Из самых глубин — к достойной и созидательной деятельности. Потрясающая воля к жизни! Когда я лечилась от наркозависимости, именно книга Халила вела меня к моей личной победе — я поднималась и падала, ползла, если не было сил идти... Спасибо тебе, Халил, за твой опыт, мужество и, самое главное, за надежду я — ты протянул мне руку, чтобы я могла встать!

Анна

Я знал Халила в первый год его трезвой жизни — тогда он был совершенно надломленным человеком. Как это впечатляет, когда преображение совершается буквально на твоих глазах! Я прочитал эту книгу на одном дыхании, всего за два вечера. И понял: КАЖДЫЙ может изменить свою жизнь, если даст себе такой труд!

Кимберли Лиду

Смело, жестко и брутально. Как низко можно пасть в погоне за кайфом!.. У этой истории счастливый финал. Я рада, что Халил обрел свое счастье, что сегодня он успешный бизнесмен. Так пусть же и дальше радуется жизни и помогает другим!

Кэти М.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	6
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	42
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	57
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	81
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	146
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	164
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	195
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	230
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.....	252
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	268
ОБ АВТОРЕ.....	286

Я навеки признателен Хейли Горси, — ее любовь, терпение и понимание были благословением для меня, они изменили мою жизнь.

Также я должен поблагодарить Рика Рубина. Он — потрясающий наставник, вдохновитель и движущая сила в моей жизни. И моего замечательного учителя, редактора и друга Нила Стросса. С ним я поборол страх, который мешал мне написать эту книгу.

Наконец, я очень благодарен Джереми Брауну, Заху Оброну, Тукеру Максу и всему издательскому коллективу Book In a Box за то, что вы помогли претворить в жизнь мою мечту.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛЕТО 2001 ГОДА «ТЫ УМРЕШЬ, ЕСЛИ ТЕБЕ НЕ ПОМОГУТ»

Я

впадаю в забытие, а затем снова прихожу в сознание, силясь разобрать лицо человека, склонившегося надо мной.

«Если ты не обратишься за помощью, ты умрешь!»

Твою мать, я помню его голос. Похоже, я опять принял слишком большую дозу, и не в меру усердный сотрудник скорой помощи попытался сделать из меня жертву своей жестокой любви. Что за непраха! Это голос отца моей девушки.

Черт побери, почему она его впустила?

Голос возмущается нашей безответственностью. Как мы дошли до жизни такой?

Снова и снова. Как заевшая пластинка.

Я лежу с открытыми глазами, но не реагирую. Сначала надо оценить ситуацию.

Рядом стоит отец Дженнифер. Итак, вся семья в курсе. Я медленно плетусь в ванную.

Мать твою, похоже, здесь разорвалась бомба. Везде иглы и кровь. Я дважды бьюсь лбом о стену. Никому нет дела. Всем пофиг. Я тру плечо и натыкаюсь на пластырь.

Дело дрянь. Понятно, почему мне не больно. Пластырь Дюрогезик с обезболивающим эффектом на семьдесят два часа.

Хвала Господу. Я продержусь до тех пор, пока Дженнифер выпроводит отца и сестру.

Я разгоняю полчища мух над толчком. В зеленых пластиковых бутылках плещется темно-желтая моча. Я поднимаю сиденье унитаза.

А, вот откуда здесь мухи. Хозяйка опять отключила воду.

Я мочусь в раковину. Рядом валяются маникюрные щипчики, ножницы, пинцет для носа, две бутылки пергидроля и банка растворителя.

Медленно поднимаю голову и гляжу на себя в зеркало.

С левой щеки и между бровями слезли куски кожи.

Ободрана правая ноздря, и в паре мест ободралась кожа со скальпа.

На стене моей кровью и моей рукой написаны слова:
ДА ПОМОЖЕТ МНЕ БОГ.

Я родился в 1969 году в городе Толидо, штат Огайо, в год Петуха — светозарной птицы. Я появился на свет недоношенным, потому что, как выразилась моя мать, отец немного «погорячился». Она хотела сказать, что он ее избил. Мой папа был палестинцем, но дети в школе дразнили его «песчаным ниггером», а моя мама была

Я появился **на свет**
недоношенным, потому **что,**
как выразилась
моя мать, отец немного
«погорячился».

полячкой — они приплыли в Америку на корабле.

На углу улицы сидел старик индеец. В нашей округе все были белыми красивыми людьми с голубыми или зелеными глазами. Все, кроме моего отца и этого старика индейца. Кожа моего отца была коричневой, и этот коричневый цвет был цветом ярости. Старый индеец был *очень* коричневым, но его коричневый был цветом печали и переходил в красный. Я был счастлив, когда начинался дождь, потому что индеец был ужасно грязным, а дождь смывал с него грязь. *В другой раз, когда начнется дождь, я не убегу. Я буду сидеть неподвижно, как этот старый индеец, и стану чистым.*

О прошлом моего отца мне известно мало. Знаю, что он родился в Иерусалиме, в бедной арабской семье. Однажды он рассказал мне историю, как мальчиком прогуливал уроки и играл в доме своей кузины. Когда моего отца там нашел его отец — мой дед, — он избил всех родственников и заставил моего папашу бежать двадцать километров обратно до дома, а сам дедушка ехал за ним на велосипеде. Всякий раз,

когда он валился с ног от усталости, дед слезал с велосипеда и бил его кулаком.

Один из моих родственников как-то рассказал мне на ломаном английском еще одну историю о моем отце — как он бросил свою первую жену с детьми в Палестине. Он уехал в Германию на заработки и задержался там, — семья уж и не думала, что он вернется. Но через пять лет отец все-таки вернулся. Его жена к тому времени вышла замуж за его брата, и у них родился ребенок.

Может, мой отец когда-то и любил своего брата, но ко дню моего рождения он уже не любил никого. Жизнь его ожесточила. И он был абсолютно уверен, что мир — плохое место для жизни.

С матерью все было еще хуже. Когда началась Вторая мировая война, она была маленькой девочкой и жила в Польше. Ее отец погиб, сражаясь в море с нацистами. Ее мать пыталась бежать в Венгрию, но перейти границу было очень трудно, а вместе с ребенком и вообще невозможно, и поэтому она подбросила мою маму чужим людям, а сама переехала жить к двум сестрам. И вместе с приютившими ее людьми мою мать угнали на Украину, затем отправили в Казахстан, Узбекистан, а позже — в Сибирь, в трудовой лагерь для женщин и детей. Моя мать никогда не рассказывала об этих ужасах, а когда я пытался расспрашивать, всегда отвечала: «Прошлое осталось в прошлом, и лучше о нем забыть». Но иногда (хотя и очень редко) она все-таки упоминала, как таскала мешки, собирала зерно голыми руками, как в одном бараке с ней жили пятнадцать-двадцать человек. На всех была лишь одна печка-буржуйка и одно помойное ведро, которое периодически замерзало. Многие умирали от голода.

Когда моей матери было за тридцать, война уже давно закончилась. Вместе со своим первым мужем она эмигрировала в Соединенные Штаты. У них родился ребенок, но в скором времени муж ее бросил и вернулся обратно в Польшу. Потом моя мать разыскала свою мать — мою бабушку. Бабушка работала в Толидо — горничной в богатой семье.

Мама позвонила бабушке.

«Я к тебе приеду», — сказала она.

За несколько дней до приезда мамы моя бабушка закрыла ворота своего гаража и завела двигатель. Не было ни слез после долгой разлуки, ни расспросов, ни слов утешений. Моя мама снова осталась одна. Теперь она была матерью-одиночкой и работала горничной в той же богатой семье, что и моя бабушка. Помимо этого, она училась в университете Толидо, где и познакомилась с моим отцом. Они сразу же влюбились друг в друга и быстро поженились — жестокий, надменный, обаятельный мужчина и надломленная красавица, которая думала, что сможет его изменить.

Но медовый месяц продолжался недолго. Первым делом после свадьбы мой отец потребовал, чтобы моя мать отказалась от сына от предыдущего брака. Он не хотел воспитывать ребенка от другого мужчины и настоял на том, чтобы она сдала его в детский дом. Снова и снова мать умоляла отца, чтобы тот разрешил забрать сына домой, но он неизменно отвечал отказом. Вскоре мать забеременела мной.

В детстве, когда я еще не умел говорить, меня преследовал один и тот же кошмар. Это была маленькая, демоническая фигура с неясными очертаниями. Она гналась за мной и грозилась убить. Откуда я знал, что это было воплощение зла? Ведь мне тогда еще не рассказывали

Мне тогда еще
не рассказывали ни о
добре, **НИ О** зле, ни о Боге,
НИ О дьяволе, **НИ о** рае, ни
об аде...

ни о добре, ни о зле, ни о Боге, ни о дьяволе, ни о рае, ни об аде... Еще одним персонажем моих ночных кошмаров было гигантское белое привидение, которое волокло меня в туалет родителей, приковывало к полу и щекотало до тех пор, пока у меня не перехватывало дыхание. Я чувствовал непреодолимую тяжесть и не мог встать. Хотелось бы сказать, что мои дальнейшие воспоминания будут исключительно светлыми, но это, к сожалению, не так.

Когда мне было пять лет, моя мать снова начала убиваться по поводу того, что ей не разрешают забрать старшего сына. И вдруг мой отец уступил. Уж не знаю, что делали с моим братом в детдоме, но, судя по всему, там с ним происходило что-то ужасное. Поначалу, когда он трогал меня, я очень стеснялся и терялся. С одной стороны, мне отчаянно не хватало родительской ласки, но с другой — я почему-то сразу понял, что так делать нельзя. Со временем прикосновения брата стали вовсе возмутительными и вызывающими. Он был на восемь лет старше меня — этот подросток в пубертатном возрасте, который не знал, что ему делать

со своей сексуальностью. Я стал жертвой его любознательности.

Эти домогательства вошли у него в привычку, в конце концов я понял, что больше не могу все это терпеть. Я побежал к матери за подмогой. Она прихорашивалась перед зеркалом, собираясь идти в ресторан моего отца, где они работали день и ночь. Я плакал, тянул ее за рукав и умолял пресечь это паскудство. Но мать только пренебрежительно отмахнулась.

«Это всего лишь щекотка. Забудь об этом», — вот и все, что она мне сказала.

На этом разговор был окончен.

Потом мой братец начал приглашать соседских парней, чтобы каждый из них мог со мной поразвлечься. Один из мальчишек, увидев, чем занимается мой брат, оттащил его от меня. Он закатил ему такую оплеуху, что братец перелетел через всю комнату. Потом этот парень повалил его на пол и стал избивать.

— Ты что, рехнулся?

Он ударил брата пару раз и снова заорал:

— Ты что, совсем ненормальный? Зачем ты это делаешь?!

Тут он увидел, что я испуганно стою и наблюдаю за происходящим. Парень посмотрел на меня своими голубыми глазами и сказал: «Все в порядке. Иди отсюда».

А я все стоял, застыв от восхищения. И был очень счастлив в этот момент.

— Все в порядке! Уходи уже! Убирайся отсюда! — закричал он снова.

И тогда я бросился оттуда со всех ног.

Парня этого звали Грег Хаффман. Он жил за пять домов от нас, в переулке возле ручья. Его мать была из тех светских леди в перчатках, с острыми садовыми

ножницами в руках. Она постоянно работала в своем саду. Их приусадебному участку можно было только позавидовать — самая зеленая трава, самые красные розы, а мама моего заступника всегда была доброжелательна и здоровалась со всеми прохожими. Я очень любил Грега, он часто гостил в нашем доме и имел на моего брата сильное влияние.

С того случая прошло два месяца. Брат ко мне больше не приставал. Но однажды он вернулся домой среди бела дня. Задыхаясь от рыданий, брат вбежал в комнату. Таким я не видел его, пожалуй, никогда. Оказывается, Грега увезли в больницу, где ему делают срочную операцию на открытом сердце. В тот же день он умер.

Как могло произойти такое несчастье? Грег был моим кумиром, моим защитником, хотя ему было всего четырнадцать лет. Как Бог мог допустить такое? Как Он мог забрать Грега и снова оставить меня одного наедине с братом? Я возненавидел Бога. Я возненавидел мир и всех его жителей.

Я никогда не говорил моему отцу, что делал со мной брат. Мы жили в постоянном страхе, боясь навлечь на себя его гнев. Малейшая оплошность приводила его в бешенство, он рвал, метал и разносил мебель в щепки. Поэтому я не осмеливался ничего говорить, — я был уверен, что тот вытрясет из меня всю душу. Спаситься в моем доме мог только человек-невидимка.

Но мне не хотелось быть человеком-невидимкой. Я мечтал о том, чтобы меня воспитывали, понимали и слышали, любили и ценили. Я хотел, чтобы моя семья была не хуже, чем семьи моих друзей. Теперь я уже знал, что у меня неблагополучная семья. Я видел, как другие дети гоняют мяч со своими

отцами, как другие семьи собирают вещи в багажник и едут вместе на рыбалку или пикник. А я был изгоем. Я был ублюдком. Я был проклят. *Зачем я появился на свет?*

В Толидо даже погода какая-то тягостная. Весна и осень здесь замечательные, но холодная зима и тропически знойное и дождливое лето вгоняют в полупьяную одурь.

У нас в доме практически всегда был включен телевизор, но по нему не показывали ничего, кроме сцен смерти и насилия — передачи про войну во Вьетнаме, про сына Сэма¹, про душителей с холмов², Джима Джонса³ и так далее и тому подобное.

И еще была религия. Эта тема приводила меня в полное замешательство. У моей матери была лучшая подруга — польская еврейка Баша. По пятницам мы ходили к ней встречать субботу. В праздничные дни мы зажигали менору и праздновали хануку. В силу понятных причин все, что мы делали в доме Баши, было запретной темой в нашем доме. Я держал язык за зубами, но однажды в дом Баши нагрянул мой отец и оттаскал мою мать за волосы. Так закончились наши еврейские традиции.

¹ Дэвид Берковиц (р. 1953) — американский маньяк. Шесть убийств.

² Кеннет Бьянки (р. 1951) и Анджело Буоно (1934–2002) — американские маньяки. Двенадцать убийств.

³ Джим Джонс (1931–1978) — лидер секты «Храм Народов» в Гайане, которая совершила массовое самоубийство в 1978 г.